

КРИЗИС ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.Н. ПАВЛОВА

В современном мире понимание «женской субъективности» затруднено, оно может быть определено как *диффузное, не имеющее явных и выраженных бытийных контуров и очертаний*, лишенное экзистенциального собственного содержания. Традиционный консервативный стереотип патриархального понимания женского опыта и предназначения женщины эволюционно пережит, или, по крайней мере, отживает свое. Одновременно идеалы деловой женщины, социально и политически ангажированные феминизмом и новые модели существования женственности не находят всеобщего признания.

Одной из серьезных научных попыток исследовать женскую природу в междисциплинарном контексте на базисе философского методологического аппарата можно по праву считать «Второй пол» Симоны де Бовуар¹. Но с середины прошлого столетия многое изменилось в отношении женственности, как в науке, так и в стиле и образе жизни общества. Это требует нового пересмотра в философии вопроса о женской идентичности. Многие стороны этого вопроса остаются в тени. Мало кто пытался *исследовать женскую природу и сущность с акцентом на ее чувственно-эмоциональных сферах*.

Нужно уметь и такое обстоятельство. В настоящее время за рубежом (в нашей стране, к сожалению, мы пока еще не имеем таких школ и сообществ) в противовес феминистскому движению набирает силу антифеминистская волна. Лидеры антифеминистского движения (Камилла Пагля, Кристина Хоф-Соммерс, Джин Бетке Елстиан и Елизабет Фокс-Женовиз и др.) характеризуют феминизм как деструктивную силу, которая подвергает опасности, прежде всего, институт семьи². Анализируя женщину и сопряженные с ней феномены в современном обществе, нельзя пройти мимо бросающихся в глаза социальных трансформаций женской половой роли, которые можно было бы охарактеризовать как *нарциссизм современных женщин*. Стремление к нарциссическим ценностям (слава, власть, богатство) и девальвация объектных ценностей (семья, дети, любовь) ставит перед женщиной определенные культурно обусловленные цели и идеалы, к которым она должна стремиться и которым она должна соответствовать. Овидиевский миф о Нарциссе и Эхо, включающий центральную идею женского существования как комплементарного к мужскому (что имело место на протяжении всего существования человечества как патриархального сообщества, поскольку предположения о существовании эры матриархата, выдвинутые И. Бахофеном, по-прежнему научно не доказаны) в современном

обществе трансформировался до неузнаваемости. Современная женщина пытается подавить мужчину, отвоевывая территории его активности. Она сама стремится стать Нарциссом, превращая его в «голос без плоти». Эта проблема женского «лидерства» в отношениях мужчина – женщина оборачивается печальными последствиями для них обоих. Рушатся семейные традиции, женщина не стремится иметь семью и детей, реализуя себя в карьере. Влияние женщины на мужчину велико, никто не будет оспаривать это, хотя, надо отметить, мужчинам трудно признавать это прилюдно.

О мужских проблемах, вытекающих из сложившейся в настоящее время ситуации с «женским», можно сказать следующее. Мужчины страдают множеством патологий сексуального характера, что сказывается на деторождении и воспитании здорового подрастающего поколения.

«Женское» внутреннее и внешнее

Гендерные исследования, проявляющие наибольший интерес к проблемам женской идентичности, широко пользуются психоаналитическими выводами и инструментарием. Меня в данном контексте исследования в большей степени интересует эмоционально-чувственная сфера. З. Фрейд полагал, что анатомия – это судьба и, прежде всего, говоря о мужественности и женственности, мы должны отметить биологические факторы, которые основываются на том, что субъект обладает теми или иными сексуальными признаками. Хотя, как показывают более чем столетние психоаналитические исследования, основанные на обобщении клинических материалов, этих биологических признаков недостаточно для понимания и определения психосексуального поведения и основанной на нем психологической оценки пола индивидуума. Кроме того, эти феномены могут быть рассмотрены с точки зрения их социологического значения, чем собственно и занимается гендерная психология. Например, Д. Гилмор в своей книге «Становление мужественности» пишет: «Культурные концепты маскулинности» определяет мужественность как одобряемый обществом способ быть взрослым мужчиной в любой конкретной культуре»³. Фактически, в гендерных исследованиях по аналогии с этим определением детерминируется и женственность. В парадигме психоанализа акцент в изучении дихотомии человеческой природы ставится на психосексуальном развитии и решающее значение при оценке полового поведения, основанного на внутриспсихической гендерной природе с точки зрения мужественности – женственности «имеют те глубинные фантазмы, которые может обнаружить лишь психоаналитическое исследование»⁴.

Итак, в психоаналитическом пространстве женщины, наконец, могут свободно, без оглядки и цензуры, не стыдась, не вызывая раз-

дражения, никого не эпатируя, говорить о своем сугубо женском опыте и как пациенты (выражая себя, находясь в поиске себя, изменяя себя) и как психоаналитики (помогая первым, становясь первопроходцами в новых научных мирах и создавая в них новые теории, осваивая новые практики). Нужно отметить, что этот путь был необычайно долг и труден на протяжении всех веков существования человечества (не случайно, наверное, З. Фрейд на закате лет посетовал, что женственность для него остается по-прежнему «черным континентом»). Из психоанализа мы знаем, как значим генезис и как важно, говоря языком фрейдовской археологической метафоры, «вскрывать глубокие и самые ранние культурные слои».

Античная философия (в основном медицинская — философские труды Аристотеля) заложила на долгие времена базис восприятия женщины мужчиной. Отголоски этих учений звучат в средневековом трактате «Молот ведьм», а в Новое время — в учениях Ч. Ломброзо, О. Вейнингера и др. Суммируя опыт веков, можно сказать, что в глазах мужчины реальная женщина выглядела как воплощенное зло. Проспер Мериме использует в качестве эпиграфа к своей «Кармен» эпиграмму древнегреческого поэта Паллада: *«Всякая женщина — зло; но дважды бывает хорошей — Или на ложе любви, или на смертном одре»*⁵.

Обобщенный сугубо негативный психологический портрет реальной женщины, собранный мной из множества философских, психологических, теологических и даже психоаналитических трудов, включает самые неприглядные эпитеты — слабая, трусливая, лишенная души, дефицитарная, в том числе и интеллектуально, дефектная телесно и психически в сравнении с мужчиной, зависимая от мужчины и в то же время бесстыдно использующая его самого и то, что он имеет, сексуально расторможенная и ненасытная, оскверненная, демоническая. С другой стороны, мужчины создавали в искусстве прекрасные, легендарные образы героических женщин и женщин-богинь, личностные и душевные характеристики которых тоже содействовали знанию о женском и влияли на формирование представлений о женщине. Женщина оказалась расщепленной вдвойне: с одной стороны, в восприятии мужчины — на негативную реальную и идеализированную, но существующую лишь в фантазии, с другой стороны, она была такой, какой ее видели или хотели видеть мужчины, внутри себя же она имела возможность быть самой собой, что, естественно, приходилось тщательно скрывать. Еще одним важным аспектом, определяющим женскую психическую природу можно назвать ее способность к отражению: «Женщина веками играла роль зеркала, наделенного волшебным и обманчивым свойством: отраженная в нем фигура мужчины была вдвое больше натуральной величины»⁶.

Георг Зиммель (философ, судя по его текстам, глубоко уважав-

ший женскую половину человечества, и в этом плане — единственный и весьма почитаемый современными гендерными исследователями) в своей программной работе «Женская культура» пытался исследовать и выявить женский тип переживания пола, с акцентом на психическом «женском», отличном и не выводимом из мужского, а также донести до своих читателей его ценности и неповторимые особенности. Живя фактически в одно время с З. Фрейдом, он мыслил, намного опережая свое время. В своих работах он отмечал, что «почти все дискуссии, посвященные женщинам, сосредоточены на их ценностном сравнении — в социальных достижениях, в качестве мышления — с мужчинами, но никто не задается вопросом, что они есть сами по себе»⁷. В своих текстах Зиммель прямо говорит, как это трудно сделать, потому что наша культура всегда была и остается мужской, а «в высшей степени оригинальная и специфическая женская деятельность возникает как бы в пробелах, оставленных мужчинами». Еще одним важным аспектом, на котором Г. Зиммель первым в истории сконцентрировал свое внимание, было то, что именно женщина обладает устойчивым и ярко выраженным чувством своего пола, и ее никогда не оставит отчетливое и в то же время неясное чувство, что она — женщина, в отличие от мужского постоянного стремления и необходимости подтверждать свою маскулинность⁸.

Основные критерии кризиса женской идентичности

Поднимая вопрос о кризисе женской идентичности, как новой, неизвученной и неизученной теме научного поиска, я пытаюсь провести аналогию с кризисом идентичности в подростковом возрасте (Э. Эриксон), имея в виду тот самый важный момент становления, когда личность человека испытывает, и довольно длительно, очень сложные и болезненные трансформации, которые в норме должны привести этого индивидуума к взрослому состоянию, характеризующемуся, в отличие от детского зависимого способа, жить автономно, независимо, быть способным заботиться о себе самом, а также о других, самостоятельно и благополучно жить как в физическом, так и в психическом плане⁹.

Можно предположить, что женская личность в филогенезе, подобно личности в онтогенезе, росла и «взрослела» из «детских», инфантильных, зависимых от мужской личности форм к своему конечному состоянию сформированности в качестве целостной и интегрированной автономной единицы. Поэтому сегодня мы наблюдаем всевозрастающую женскую активность в социуме, вытесняющую мужчин из их исторически сложившихся сфер деятельности, переходящую все чаще и чаще в наступательную (если не сказать завоевательную) стратегию. Женщины все могут сами: зарабатывать деньги, воспитывать детей, делать карьеру, водить

машину, строить дома. Все громче звучит в сообществе их вопрос: зачем нам мужчина, который в данной ситуации воспринимается многими такими «женщинами» как чемодан без ручки, который «и нести тяжело и бросить жалко». Женщина эволюционно «выросла» и пытается «освободиться» от взрастившего ее мужского контура, в котором она «вызрела», как ребенок, стремящийся ощутить себя личностью, а не частью и продолжением своих родителей, пытается освободиться от их опеки. Здесь стоит отметить также сопротивление этим процессам «мужской среды», как в случае подростковых перемен в семье такое сопротивление оказывают родители. Именно эти, предполагаемые мной женские филогенетические эволюционные трансформации приводят к обострениям во внешнем плане, повышая конфликтность в отношениях *мужчина — женщина*, обостряя обстановку в социуме и создавая серьезные последствия для цивилизации в целом.

В качестве критериев кризиса современной женской идентичности можно предложить следующие шесть основных ключевых пунктов, которые были выделены мной по аналогии с критериями переломного подросткового этапа в формировании личности.

Критерий 1. *Диффузность женской идентичности*. Мы все равно можем констатировать факт неопределенности, размытости в определении и понимании женской идентичности.

Критерий 2. *Размывание границ между полами*. Пример «унисекс», соединяющий в себе мужское и женское начало. Здесь ситуация с женским и мужским очень похожа на неопределенность в половой ориентации в подростковый период, в данном возрасте порой бывает трудно определить какого пола этот подросток — не мальчик и не девочка или и мальчик и девочка.

Критерий 3. *Разрушение магически-мифологической структуры мира женской идентичности*. В патриархальном сообществе женское бытовое существование столетиями было обусловлено традициями и обычаями, передававшимися из поколения в поколение. Жизнь женщины была предельно ритуализирована: святочные гадания, свадебные обряды. Каждый возрастной интервал в жизни русской женщины заканчивался своеобразной мини инициацией и сопровождался обязательными по этому случаю событиями. В день отлучения девочки от груди перед ней раскладывали веретено, пальцы, челнок и разрешали ей взять любой из этих предметов, символизировавших женское начало: к какому из этих предметов девочка потянется рукой, в том деле и будет особенно искусна. В 7 лет волосы девочки заплетали в косу, а поверх рубахи надевали сарафан. Этот ритуал отмечал новый этап в ее жизни: теперь она принадлежала к женскому сообществу и под руководством матери начинала готовиться к роли «доброй жены». Множество обрядов на протяжении всей жизни женщины, и даже задолго до ее рождения, были призваны наставить девочку на истинный путь, подготовить ее к будущей семейной жизни¹⁰. Отживание патриархальной системы приводит к разрушению старых стереотипов, предлагаемые идеалы деловой женщины,

равной мужчине, способствуют нарастанию и преобладанию нарциссических репрезентаций в личности.

Критерий 4. *Нарастание нарциссических тенденций.* Усиление нарциссических тенденций, проявляющее себя в стремлении к нарциссическим ценностям взамен эмоциональных. Предпочтение объектов душевного мира объектам мира материального приводит к формированию искаженного (патологического) внутреннего объекта женственности, оторванного от реальных женских целей и предназначений. Основные вектора, относительно которых выстроен идеал женского Я – респектабельность, совершенство, элегантность, элитарность, эмоциональная закрытость. Небольшой пример: «Это запах дорогой кожи, шерсти, кашемира. Так пахнет в лобби дорогих отелей и в салонах роскошных авто. Это запах цвета шоколада, слоновой кости, капучино. Это классический стиль: дорогие часы, сумка и обувь. Это ухоженная и уверенная в себе женщина. Она безупречно воспитана, ее эмоции спрятаны глубоко, а внешне она – невозмутима, дружелюбна и спокойна».

Критерий 5. *Борьба за автономность и независимость.* Феминизм и женское движение могут быть восприняты посторонним наблюдателем как освободительная война, направленная на противостояние «многовековому мужскому засилью и геноциду (женоциду)», а также на огульное отрицание всего «мужского»¹¹. В свете обсуждающегося подобия процессов, имеющих место в подростковой и женской идентичностях, может быть и можно было бы экстраполировать идею М. Пюнтера, и сделать предположение, что женщина, как нимфа Эхо, исторически не имела своей идентичности, являясь всего лишь «частью» мужчины, как в физическом, так и в психическом плане. Неоспоримые факты, которые дают нам возможность выдвинуть эту гипотезу, зафиксированы исторически как минимум в двух «краеугольных камнях» культуры двух различных эпох, разделенных достаточно большим временным интервалом – античном Домострое Ксенофонта и древнерусском варианте Сильвестра.

Долгие годы существовавшая как нарциссическое продолжение мужчины, в настоящий момент женщина пытается освободиться от оков, которые она по необходимости носила, и которые были удобны и для мужчины. Если быть внимательным наблюдателем, вполне можно уловить некое подобие в отношениях зависимости раннего детства и женско-мужских отношениях, когда мать всевластна над ребенком и определяет его «судьбу» сама из своих внутренних предпочтений и критериев, и лишь подростковый период окончательно кладет конец этим жестким связям доминирования – подчинения.

Мужчина довольно часто на бессознательном уровне воспринимается или ожидается женщиной как материнское начало, именно в нем она ищет «лучшую мать, чем у нее была». За примерами далеко ходить не надо: это и известный нам миф о Психее и его более поздний ремейк – любимая всеми нами детская сказка С.Т. Аксакова «Аленький цветочек»¹².

Критерий 6. *Манифестирующая и первезная сексуальность.* Современные женщины стремятся и создают для себя идеалы, наполненные сексуальными стимулами, которые не вызывают у мужчин сексуального отклика, а, скорее, пугают их. Соблазн современной женщины оказывается по своей сути направленным «в никуда».

Последствия «женского кризиса»

Женщина всегда оказывала мощнейшее влияние на жизнь мужчины и через него — на состояние общества и культурные феномены, влияние гораздо большее, вероятно, чем это могут предположить мужчины, которые организуют и творят нашу культуру. Кризис женской идентичности нарастает с началом процесса эмансипации женщин, связанным с индустриализацией европейской цивилизации, порождая многие проблемы женщин и мужчин, которые имеют серьезные последствия для всего цивилизованного мира.

Дисбаланс, вызванный изменениями в «женском» человечества, можно лучше всего представить себе в виде метафоры путешествия на лодке. В какой-то момент в лодке, где вместе плывут мужчина и женщина, у каждого из которых есть свои определенные функции и роли по управлению, женщина как от балласта, избавляется от кажущегося ей тяжким бременем женских прерогатив. Она постепенно выбрасывает за борт лодки почти все, что было накоплено веками традиционно женского — заботу о доме, свое особое женское место в отношениях с мужчиной, культуру тела, традиционную сексуальность, желание иметь детей и удовольствие их растить и многое-многое другое. Мужчине трудно определить свое новое положение в лодке относительно женщины, ведь, то, что происходит, для него в некоторой степени неожиданно и от него никак не зависит. Но он поставлен в такие условия, что будет вынужден переместиться и занять новое место, иначе лодка перевернется.

Как следствие этих метафорически представленных изменений, мы имеем реально наблюдаемые проблемы. Данные тенденции в трансформированной женской идентичности, в искаженном «женском» психическом, в первую очередь обуславливают проблемы в бытии самих женщин. Они открывают дверь в пространства разнообразных форм «патологии» женского существования. К старым известным психическим расстройствам прибавляются нарциссические нарушения — «новые болезни нашего времени» — как их назвала Ю. Кристева¹³. Все эти нарушения женского психического существования как в сексуальном плане, так и в психическом, обусловленные влиянием культуры как среды (нездоровые и странные формы воспитания девочки в семье, несоответствующие женскому предназначению социумные нормы и идеалы, перверзные сексуальные отношения и т.д.), приводят к неспособности женщин переживать сексуальное удовольствие, строить отношения любви, взаимного уважения и привязанности, создавать семью и иметь детей. Медики отмечают рост инвалидизации среди женщин, связанный с депрессиями, психосоматическими и физическими заболеваниями. Как следствие, страдают институты семьи и брака.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бовуар С. де. Второй пол: Т. 1 – 2. – М.; СПб.: Прогресс; Алетея, 1997.
- ² Ellis. B.J. et al. Does father absence place daughters at special risk for early sexual activity and teenage pregnancy? (PDF)// Child Development. 2003. 74 (3). – Р. 801–821. <http://ag.arizona.edu/fcs/fshd/people/ellis/CD%20Ellis%20et%20al.%202003.pdf>.
- ³ Гилмор Д. Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности. – М.: (РОССПЭН), 2005. – С. 10.
- ⁴ Лаплатиш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высш. шк., 1996. – С. 232.
- ⁵ Палад Александрийский. Эпиграммы // Византийский временник. Т. XXIV. – М.: Наука, 1964.
- ⁶ Woolf V. A room of one's own. (2004) eBooks@Adelaide, <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.1/au/>
- ⁷ Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. –Leipzig, 1919.
- ⁸ Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. – М., 1996.
- ⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис/ Пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996.
- ¹⁰ Шангина И.И. Русские девушки. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – С. 9.
- ¹¹ Гюнтер М. «Если он не узнает себя» – любовные отношения и отношения в обществе в позднем подростковом периоде// <http://www.psychanalyse.ru>, 2007.
- ¹² Аксаков С.Т. Аленький цветочек. – М.: Малыш, 1985.
- ¹³ Крестева Ю. Новые болезни души. Душа и мысленное представление // Антология современного психоанализа. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. – СПб.: Питер, 2005. – С. 149.

Аннотация

Изучения женской природы с акцентом на ее чувственно-эмоциональных сферах – неоткрытая страница в истории науки, обозначающая новую эру в философском осмыслении женской субъективности. Современное время, сформировавшее «новоиспеченные стереотипы» женского вносит коррективы в вопросы изучения женской сущности, ставит в фокус другие неисследованные ранее важные проблемы, одной из которых можно назвать кризис женской идентичности.

Ключевые слова:

Чувственная природа женской субъективности, кризис женской идентичности, психоаналитический подход, дисбаланс «мужского» и «женского», внутреннее символическое пространство женственности, нарциссизм.

Summary

The investigations of female nature with accent at the emotional sphere is a not open page in the history of the science, the page that defines a new era in philosophic realizing female subjectivity. The present time having formed “newly made” stereotypes of femininity brings us a sharp necessity to correct questions of woman’s essence and focuses at other previously unexplored questions yet. The important problems where the crisis of female identity is one of them.

Ключевые слова:

Sensual nature of female subjectivity, crisis of female identity, psychoanalytical approach, misbalance of masculinity and femininity, narcissism.